

— Старший брат, я знаю, что был неправ...

Су Ляншэн опустил голову, покорно признавая свою вину:

— Больше никогда не буду драться и сбегать с вечерних занятий.

Услышав это, Сюй Янь на мгновение остановился, затем поднял голову и мягко улыбнулся, его голос был настолько нежным, что казалось, из него можно выжать воду:

— Хорошо, старший брат знает. Ляншэн всегда был хорошим мальчиком.

Вскоре мазь была нанесена, но Су Ляншэн не хотел, чтобы Сюй Янь уходил так быстро. Его пухлые ручонки крепко ухватились за край одежды старшего брата.

— Что случилось?

Сюй Янь удивленно коснулся лба Су Ляншэна.

— Сегодня ты останешься в комнате и отдохнешь. У старшего брата есть дела, но позже я вернусь и проведу с тобой время.

— А нельзя не уходить? — Су Ляншэн поднял личико, смотря на Сюй Яня с серьезным выражением.

Сюй Янь усмехнулся, подумав, что Ляншэн испугался наказания. И он сам виноват — зачем так строго наказал ребенка? Неудивительно, что тот боится. Ну что ж, почему бы не остаться с ним?

— Хорошо, старший брат останется с тобой.

Он погладил голову Су Ляншэна, накрыл его одеялом и заметил, что тот все еще сжимает мокрый платок. Сюй Янь хотел забрать его, но Су Ляншэн, словно защищая сокровище, не отпускал.

Ладно, пусть будет так.

Сюй Янь не стал настаивать, подошел к столу, взял «Книгу песен» и вернулся к кровати, сев рядом с Су Ляншэном и начав читать.

Су Ляншэн смотрел на Сюй Яня, видя, как тот погружен в чтение, и спрятал платок под подушку.

Он придвинулся ближе к Сюй Яню, словно боясь холода, и прижался к нему.

Сюй Янь не возражал, позволяя ребенку быть рядом. Сегодня Су Ляншэн, обычно любящий покапризничать, был особенно привязан к нему.

Самое странное было в том, что обычно не плаксивый ребенок сегодня рыдал, как будто его сердце разбилось. Слезы и сопли текли ручьями, и успокоить его было невозможно. Видимо, он действительно испугался и осознал свою ошибку.

Так как было лето, с восходом солнца воздух постепенно становился жарким, и стрекот цикад доносился до ушей Су Ляншэна.

Он кивнул головой, пытаясь открыть глаза, но, простояв на коленях до полуночи и проснувшись так рано, чувствовал себя ужасно уставшим. Несмотря на все усилия, сон одержал верх, и Су Ляншэн, опустив голову, крепко заснул.

Сюй Янь давно заметил, что Су Ляншэн хочет спать. Увидев, что тот уже заснул, он отложил «Книгу песен», одной рукой поддерживая голову ребенка, а другой — его спину, и аккуратно уложил его.

Летняя жара, даже в горах, была невыносимой. Сюй Янь, заметив, что на носу Су Ляншэна выступил пот, с жалостью вытер его рукавом. Затем он закатал длинные рукава ребенка, обнажив его тонкие, белые руки.

Сюй Янь сидел на краю кровати, глядя на нежное личико Су Ляншэна. Лян-Ляна подобрали зимой. Тогда Сюй Янь только что поднялся на гору Цзюли, и княгиня Пинъян, беспокоясь, что ему будет не хватать припасов, отправила с ним двух слуг.

Хотя Сюй Янь был еще ребенком и наследником князя, он не был избалованным и сразу же отослал слуг обратно. Княгиня, поняв, что он хочет сосредоточиться на обучении, вздохнула и велела слугам ждать в гостинице у подножия горы. Если Сюй Яню что-то понадобится, он мог спуститься и взять. В тот день он как раз спускался за письмом из дома. Из-за зимнего холода и юного возраста Сюй Яня, Сюй Янцин сопровождал его. На полпути вниз они услышали детский плач.

Ребенок был голый, весь в крови, и из-за холода его кожа стала синевато-фиолетовой. Сюй Янь, сжалившись, тут же поднял его и завернул в свою теплую одежду.

Ребенка удалось спасти, и Сюй Янь, счастливый, ухаживал за ним, не отходя ни на шаг. Он назвал его Ляншэн — «рожденный в холоде». А так как мать Сюй Яня, княгиня Пинъян, носила фамилию Су, ребенка назвали Су Ляншэн.

С этими мыслями Сюй Янь снова погладил влажное личико Су Ляншэна. Лян-Ляну не повезло: его бросили в горах сразу после рождения. Поэтому он больше всего ненавидел, когда его дразнили за отсутствие родителей. Видимо, вчера деревенские дети насмехались над ним, и он не выдержал, вступив в драку.

— Лян-Лян... — Сюй Янь тихо позвал его и вздохнул. Он не мог заменить родителей этому ребенку, чья судьба была слишком тяжела.

— Старший брат, не уходи, не уходи...

Су Ляншэн бормотал во сне, и слезы, как жемчужины, скатывались по его длинным ресницам.

Сюй Янь, с жалостью вытерев слезы, мягко похлопал по груди Су Ляншэна, убаюкивая его.

Видимо, это подействовало, и Су Ляншэн снова крепко заснул. Этот сон длился до обеда, и, проснувшись, он понял, что пропустил трапезу.

Су Ляншэн, протирая глаза, увидел, что в комнате нет Сюй Яня, и слегка заволновался. Он выглянул в окно. Солнечный свет, пробиваясь сквозь листву, создавал на земле узоры из теней. Он мысленно подсчитал: уже прошло время обеда, и Сюй Янь, вероятно, ушел отдыхать. С этими мыслями Су Ляншэн надул губы, потрогал пустой животик и с обидой подумал:

«Старший брат совсем не справедлив. Даже если Лян-Лян спит, он должен был разбудить его к

обеду».

Но такие мысли были бесполезны, так как их никто не слышал. Су Ляншэн сжал губы, вытащил из-под подушки платок и спрятал его на груди.

Хотя Сюй Янь был из богатой семьи, он использовал обычные шелковые платки, показывая, что считает себя обычным учеником Врат Цзюли. Он оставил позади свое происхождение и статус, и благодаря этому все ученики относились к нему с теплотой.

Су Ляншэн надул щеки, снова спрятал платок, и в этот момент в комнату вошел Сюй Янь.

— Лян-Лян, ты проснулся? Тогда давай пообедаем, ты, наверное, голоден.

Сюй Янь, держа поднос, подошел к столу и начал расставлять блюда.

Су Ляншэн улыбнулся, спрыгнул с кровати и, шаркая ногами, подбежал к Сюй Яню, прижимаясь к нему, как маленький поросенок.

— Ну, давай поедим.

Сюй Янь, с нежностью погладив голову Су Ляншэна, удивился его сегодняшнему поведению. Раньше, чтобы позвать его к столу, приходилось чуть ли не умолять, как капризного ребенка.

Су Ляншэн послушно сел, его большие глаза скользнули по столу, и, увидев жареный бамбук с мясом, он обрадовался, полностью игнорируя рядом лежащую морковь.

Старший брат действительно хорошо ко мне относится. В прошлой жизни я вел себя ужасно, и все избегали меня, как чумы, но Сюй Янь оставался рядом, стараясь найти выход из любой ситуации. Даже когда я убил его родного брата, он пытался спасти меня. Но в конце я все же случайно погубил его.

С этими мыслями Су Ляншэн почувствовал, как нос защекотало, и, опустив голову, начал есть рис, даже положив в рот несколько кусочков моркови, чем удивил Сюй Яня.

— Лян-Лян, если не любишь морковь, не ешь. Старший брат не будет ругать тебя.

Сюй Янь, видя, как Су Ляншэн мучается с морковью, не удержался и посоветовал ему не есть ее. Но он не мог знать, что в сердце Су Ляншэна бушевали чувства вины и раскаяния.

— Мм, старший брат самый лучший, — Су Ляншэн поднял личико, сладко улыбнувшись.

Его глаза все еще были немного опухшими, но в них по-прежнему светилась искренность.

Сюй Янь кивнул, успокоенный, и задумался, стоит ли сегодня вести Су Ляншэна на вечерние занятия.

Авторское примечание: Ляншэн в прошлой жизни был настоящим проказником. Хочу бросить в него тухлым яйцом.